

КРОКОДИЛ

№ 6 ● ФЕВРАЛЬ 1975

— Ты бы хоть ради праздника юбку надела.

Рисунок А. КРЫЛОВА

Фельетоном А. Никольского Крокодил открывает на своих страницах новую рубрику. Приглашаем и вас, читатель, посоревноваться. Присылайте темы и факты для рисунков и фельетонов, а также свои материалы для этой рубрики.

Сладкий мираж

Андрей НИКОЛЬСКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

Вот я хочу задать вопрос: какое самое скучное дело на свете? Небось, задумаетесь: пение псалмов? А может, заседание по поводу покупки склянки чернил губкооперативом? Ничего подобного. Самое скучное дело на свете — это организация соревнования в Миллерово, что в Ростовской области.

Причем, поймите меня правильно, я не о каждом соревновании в Миллерово. А только о том, какое сумели организовать на заводе сельскохозяйственных машин.

Вначале даже и не разберешь, что это. Равнодушное отношение или, наоборот, всеобщий энтузиазм? Вот, скажем, на упомянутом заводе «Миллеровосельмаш» есть ремонтно-механический цех. Еще только подходишь к нему, а уж чувствуешь, что пахнет соревнованием. И сменным, и бригадным, и индивидуальным. По грохоту, наверно, чувствуется.

Когда же входишь в цех, то это оптимистическое мнение еще более укрепляется. Тут — доска показателей, тут—доска почета, а тут—вымпелы: «коллективу смены», «мастеру золотые руки», «лучшему слесарю» и «лучшему токарю».

Если же подняться в этакую застекленную пристроечку, откуда начальник цеха Георгий Антонович Кундрюков наблюдает за работой коллектива, члены цехкома откроют самодельный железный сейф и бережно вынут пачки индивидуальных обязательств. Все чинно и аккуратно. Обязательства булавочками сколоты по два, так что сразу видно, кто с кем соревнуется, и перепутать при всем желании нельзя.

Вот до этого момента в соревновании все и идет хорошо, оживленно и, я бы сказал, с трудовым задором. Но стоит повнимательнее посмотреть на пачку этих чистеньких индивидуальных обязательств, как видишь, что что-то тут не то. И с этого момента уже начинается минор. Хотя обязательства и были приняты, но итоги не подводились. И не то что за неделю, за десять дней, ну на худой конец за месяц — а то ведь и за год не подведены. Ни за прошлый год, ни за позапрошлый.

Ясное дело, начинает закрадываться нехорошее подозрение, что пахнет все это вовсе не соревнованием, а формализмом. Да еще в этот момент замечаешь, что написаны обязательства все слово в слово:

1. Выполнить годовой план к 25 декабря 1974 года.

2. Повысить производительность труда на 5 процентов.

В 1973 году брали обязательство повысить на 8 процентов. А как же это все могут повысить производительность труда именно на 8 процентов? У одного есть и умение и возможности, у другого их нет. На то и индивидуальные обязательства. Ох, что-то все это скучновато получается...

А дальше замечаешь, что и написаны-то они все одной рукой. Выясняется, что писала их все экономист Маша, цифру 5 процентов или там 8 процентов назвали в завкоме, а рабочие тут, собственно, и ни при чем. Вот в этот момент и нападает такая уж скука, что, того гляди, вывихнешь челюсть. Думаешь, ну ладно, ты, как говорится, человек приезжий, а каково тут людям работать, особенно тем, которые соревнованием занимаются?

Но, к счастью, люди, которым этим ведать полагается, как говорится, по штату, считают, что у них все обстоит значительно жизнерадостнее. Инженер, ведающий соцсоревнованием, Ракицкий (еще не зная, что я уже был в цехе) долго и с увлечением рассказывал, как у них подводятся итоги индивидуального социалистического соревнования. По его словам, выходило чуть ли не так, что если результаты подводятся один раз в день, то этот день вообще можно считать неудачным. А вообще-то результаты подводятся по два и даже чуть ли не три раза в день. Просто было удивительно, когда же остается время на работу, если все только и делают, что занимаются подведением итогов? Но потом мне удавалось очнуться от сладкого миража, навеянного Ракицким, и я понял, что это просто грезы инженера, вызванные скорее всего незнанием действительности.

Но всякая медаль непременно имеет оборотную сторону. И, повествуя о скучных моментах в организации соревнования, нужно сказать, что рядом с ними имеются и более веселые эпизоды. Вот, например, мы только что рассказали, что никакие итоги индивидуальных обязательств не подводятся. А раз итоги не подводятся, то значит, и нет победителей? Однако, как ни странно, победители есть. Каким образом они выявляются, — этого, прямо признаемся, установить не удалось. Потому что никаких протоколов заседаний цехового комитета (где и должны подводиться итоги) обнаружить не удалось. Воспоминания старожилов и членов прошлогоднего цехового комитета тоже не пролили света на это туманное прошлое. Возникла версия, что всем, дескать, заправлял начальник цеха Кундрюков, который единолично и определял победителей. А поскольку начальник цеха не семи пядей во лбу и за всем уследить не мог, то, естественно, возникали некоторые неувязки. Так, например, знаком «Победитель социалистического соревнования 1974 года» оказался награжденным слесарь-монтажник Картавский, который, как позже выяснилось, не имел даже индивидуальных обязательств и ни с кем вообще не соревновался. Вторым награжденным таким же знаком стал плотник цеха Савостин. Здесь любопытно, что вручили ему этот знак еще осенью, когда до конца года оставалось несколько месяцев.

Таким образом, в ремонтно-механическом цехе создалась странная ситуация. Обязательства были как бы сами по себе, победители сами по себе, независимо от них, а рабочий человек вообще ни о чем таком возвышенном не думал и держался индифферентно. Это выяснилось, когда я разговорился с ремонтниками. Все цеховые дела они принимали близко к сердцу, но лишь только речь заходила об индивидуальном соревновании, разговор затухал и начинал чадить вроде сырой головешки. Тогда я прямо спросил, может ли кто-нибудь сказать, какие он принимал обязательства и как их выполнил в 1974 году. Ремонтники отмалчивались. Тогда я обратился персонально к ближайшим соседям слесарям Харьковскому, Савенко, Кулешову, а потом и ко всем остальным, но ни одного ответа я так и не получил.

К слову сказать, заводское начальство позже уверяло, что, дескать, это цех не основной, и я с инженером Ракицким отправился по его предложению в цех № 4. Однако эксперимент закончился там такой же неудачей. И мне было жаль, что инженер Ракицкий уже не сможет говорить о соревновании на своем заводе так красочно и убедительно, как говорил совсем недавно.

г. Миллерово.

Андрей ВНУКОВ

365 женских дней

Женский день на мужчин наступает опять,
И мужчин беспокойство берет:
Хорошо ли один только день отмечать,
Если женским объявлен весь год!

Может, в этом году ежедневно цветы
Милым женщинам надо дарить
Или, скажем, «в тревоге мирской суеты»
Раз в декаду о чувствах твердить!

С той поры, как закончился матриархат
И ушел навсегда без следа,—
Тридцать шесть с половиною женских декад
Не справлялось подряд никогда.

Сколько было их всех! Хоть одну назови,
Чтобы так волновала сердца!
Это вам не декада взаимной любви
Покупателя и продавца...

Это даже не месячник мирных дорог,
Пешеходов и автомашин...
Год активного солнца — и тот был далек
От сердечных симпатий мужчин...

Только ныне Земля в круговерти своей
Растопила сердечностью лед:
И морозы теплей и трава зеленей
В этот Женский Особенный Год.

И за то, именинницы, хочется вам
В этот радостный год пожелать:
Женский год не приписывать
к женским летам,
А из прожитых лет вычитать!

Дискуссия: стираются ли грани?

— Как вы относитесь к проблеме стирания граней между профессиями, образом жизни, поведением, одеждой мужчины и женщины! — с таким вопросом обратился Крокодил к представительницам прекрасного пола накануне их праздника.

Итак, первой отвечает Наталия ИЛЬИНА

Ах, эти незабываемые встречи!

Этот вопрос, своевременно поднятый редакцией «Крокодила», позволил мне найти объяснение некоторым тревожившим меня фактам...

Например. Идут по улице двое — он и она. Она несет тяжелые сумки, он идет налегке. Подобное приходилось видеть и на вокзалах: она тащит чемодан, он же идет, помахивая портфелем...

Еду я в лифте с незнакомым молодым человеком. Выходим на одном и том же этаже. Я делаю шаг вперед, но меня оттирают плечом, мой спутник выскакивает первым и поспешно удаляется. Затем выхожу я и захлопываю за собой дверь лифта коленкой: руки-то заняты, редко ведь приходится видеть женщину, не нагруженную продуктовыми сумками...

А эти незабываемые встречи в дверях магазинов, учреждений... Право, мелькала иногда безумная мысль: а нет ли на мне шапки-невидимки? Дело в том, что идущий навстречу мужчина шагает так уверенно, будто перед ним никого, будто пустота, еще секунда — и столкнемся лбами, ну и отступишь и пропустишь идущего, не потому что нервы слабее (нет, мы, женщины, народ закаленный!), а только потому, что опасаешься, как бы столкновение не вышибло из твоих рук одной из сумок, той, в которой что-то бьющееся...

А кидали ли на вас, дорогие читательницы, тяжелую дверь на пружине? Кидали, уверена! На меня — сколько раз! Это случается, когда вы сталкиваетесь с мужчиной не встречно, а попутно, то есть оба входите в одну и ту же дверь. Ему (у него-то руки свободны!) удается открыть дверь и заскочить внутрь первым, вы же устремляетесь следом и тут получаете мощный удар дверью.

Недавно в редакции одного журнала был просмотр кинофильма. Зал там невелик, и некоторые приглашенные на просмотр лица заранее заняли места, положив на облюбованные стулья кто сигареты, кто очки, кто газету, а на худой конец обрывок бумаги. Свет погас, замелькали титры, и внезапно в публике слышится такой диалог: «Куда уселись? Это мое место!» «Почему ваше?» «Я его занял. Тут бумажка лежала». «Извините, я не видела». «Ах, она не видела!» «И я думала...» «Ах, она думала. Давайте-ка отсюда!» Зал шипел: «Тиш-ш-ше!», — но чтобы кто-нибудь из мужчин вступился за женщину, сгоняемую с места молодым человеком, такого не было. Вступились, конечно, мы, женщины. И победили лишь потому, что сгоняемая проявила твердость, с места не ушла, а срывать ее насильно молодой человек не решился: дело все-таки не в лесу происходило... Отошел, ворча, где-то устроился и смолк.

Пытаясь все это объяснить, я говорила себе так. Эти, которые бросают на вас двери, оттирают плечом, позволяют женщинам нести чемоданы, а сами идут налегке,—они просто не ведают, что творят. Их не научили. Их не воспитали. Их, как говорится, упустили. Упустила семья. Упустила школа.

Так я думала, пока не посмотрела по телевизору фильм «Перевод с английского». Там именно о школе речь. И вот такая сценка... Школьный буфет. За столиком сидит и что-то ест молодой учитель лет эдак двадцати трех-четырех... К нему подходит пожилая учительница с подносом в руках. Спрашивает: «Свободно? Сесть к вам можно?» А что молодой учитель? Вскочил на ноги? Взял поднос из рук женщины? Помог ей? Нет. С места не двинулся. Только кивнул: дескать, свободно и, дескать, можете сесть.

И тут я поняла, что мои представления о хорошем воспитании полностью устарели. Ведь снят фильм, его смотрят миллионы, и эти миллионы видят — можно молодому мужчине сидя разговаривать со стоящей женщиной и движения встать не делая...

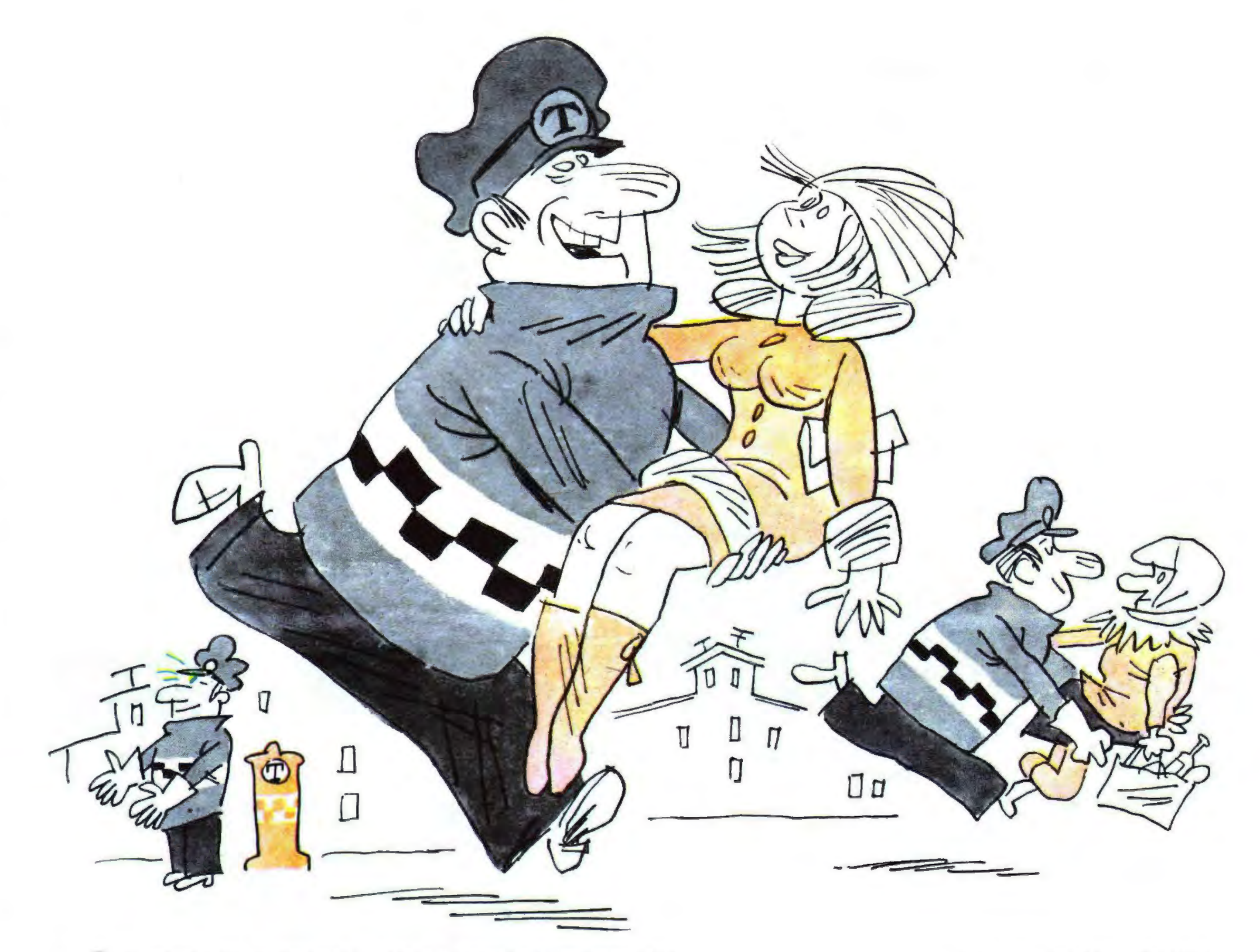
Еще недавно множество профессий было женщинам заказано. А сегодня мы видим женщин — врачей, инженеров, физиков, химиков, биологов, археологов, юристов, архитекторов, летчиков, наконец! Женщины смело вторглись в область, ранее оккупированную исключительно мужчинами, и завоевали там прочные позиции. Теперь бы мужчинам вторгнуться в женскую область — магазинные стояния, стирка, стряпня, уход за детьми. Однако мужчины вторгаться туда почему-то не спешат. Они выбрали иной путь. Путь стирания граней.

Процесс этот идет успешно. В общественном транспорте старикам, инвалидам и женщинам с грудными детьми уступают места исключительно молодые девушки. Молодые люди, помня о стирании граней, этого не делают.

Вот какое объяснение я нашла фактам, которые раньше казались мне странными.

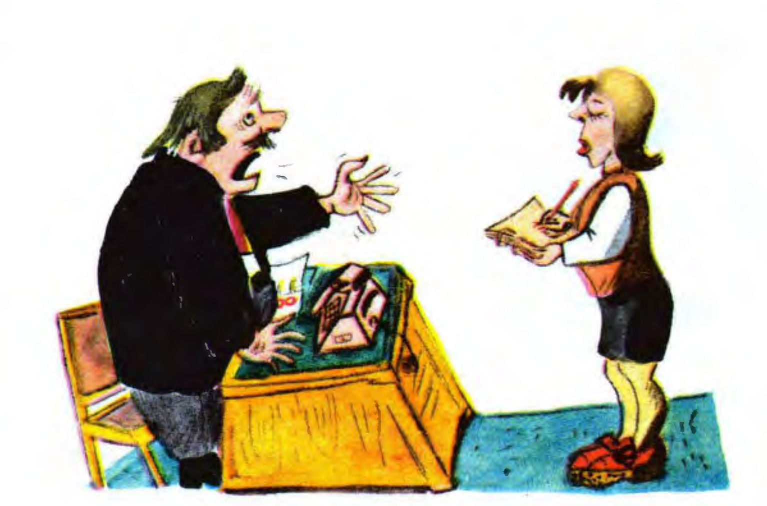
Но легче от этого объяснения мне как-то не стало.

Продолжение дискуссии на 8—9-й стр.

— Это сюрприз таксистов нашего города женщинам.

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

— Запишите текст телеграммы: «Срочная. Согласно вашим указаниям о международном женском годе, поздравил жену и подарил одеколон».

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

— Моя жена любит камбалу!

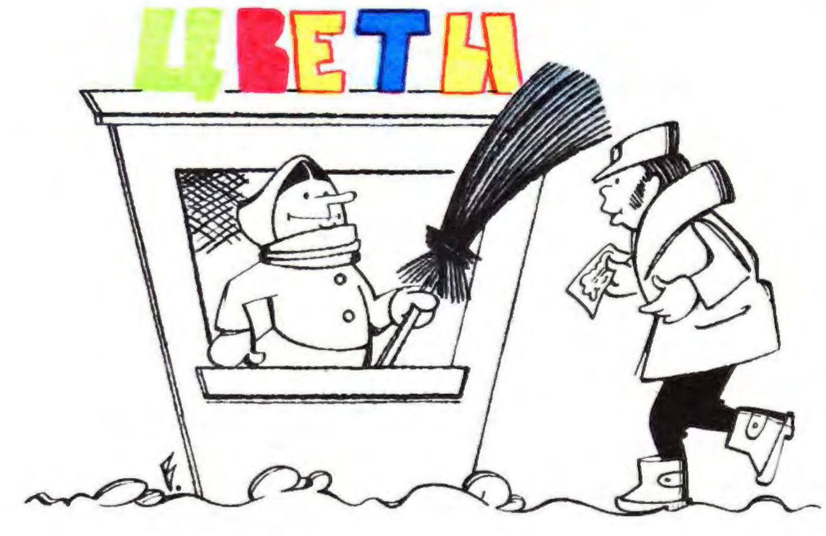
Рисунок В. САФОНОВА

Сергей СМИРНОВ

Сердцу дорогой матриархат

Мы ничьих заслуг не преуменьшим,
Коль совместно скажем:
— Это — да!
Новый год
назвали
Годом Женщин,
А у нас
Такие —
Все года.
С давних лет
отметку загса
свято
Я храню (другие не нужны!)
И приемлю
власть матриархата
В образе
Избранницы-жены.

Ты, мое единственное чудо,
Ценишь все способности мои:
Сам порой
варю любые блюда,
Сам готовлю кофе да чаи.
Ты меня воспитываешь зрело,
Как сердечный друг, жена и мать,
Я твои
критические стрелы
Не хочу из сердца вынимать.
Мы в союзе
с радостью и шуткой.
Оптимисты с головы до пят.
Будь же вечно
женственной
и чуткой,
Дорогой ты мой матриархат!

— Вот все, что осталось...
— Беру!

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Рисунок С. СПАССКОГО

— Пусть всегда будет мама!

Ирина РАДЫШ

Рассказ

КОМУ ПОВЕЗЛО?!

Муж считает, что он меня осчастливил. Я придерживаюсь обратного мнения. Именно поэтому все наши столкновения носят ритуальный характер.

Причины столкновений могут быть какими угодно. К примеру, я прошу мужа выйти за хлебом к ужину. Он наотрез отказывается. Мои тщетные попытки убедить его в том, что мужчина, отправляясь за хлебом, не теряет собственного достоинства, обычно занимают несколько минут, после чего мы переходим к основному.

Муж, устремляя задумчивый взгляд в окно, как бы невзначай говорит, что вчера встретил на улице Алену. Алена — это та самая знакомая моего мужа, которая до сих пор уверена, что мне в жизни повезло больше, чем ей.

Я высказываю робкое предположение, что даже такое совершенство, каким, безусловно, является Алена, будучи на моем месте, возможно, когда-нибудь все-таки попросила бы его сходить за хлебом. Нет, я, конечно, не берусь утверждать это наверное, но где-то в уголке моего сознания проскальзывает такая шальная мысль.

В глазах мужа столько испепеляющей иронии, что мне не остается ничего иного, как сообщить ему, тоже между прочим, о сегодняшнем звонке Павла. Павел — это мой приятель, совершенно справедливо считающий моего мужа баловнем судьбы.

Ирония в глазах мужа приобретает оттенок сарказма. Улыбаясь, он замечает, что скорее всего и Павел при всех его достоинствах вряд ли согласился бы быть домработницей даже у такой очаровательной хозяйки, как я.

Я не думаю, что просьба сходить за хлебом дает повод человеку считать себя домработницей, но я абсолютно убеждена, что Павел пошел бы и на более тяжкие испытания.

Муж предлагает согласовать этот вопрос с самим Павлом. Я, в свою очередь, тоже советую ему не быть голословным и при случае выяснить у Алены ее отношение к проблеме разделения труда.

Бьем посуду мы редко и, как правило, ограничиваемся парой разномастных тарелок. Во всяком случае, мне всегда удается решительно пресечь попытки мужа подобраться к сервизным чашкам японского фарфора.

Ужинаем молча. Не могу сказать, что мне по вкусу бутерброды из ванильных сухарей с любительской колбасой, но я получаю ни с чем не сравнимое наслаждение, наблюдая за мужем, яростно намазывающим селедочное масло на «Юбилейное» печенье...

Е. ВЕСЕНИН

Рассказ

Настенька

Одна только мать величала ее полным именем — Анастасия, а все кругом звали Настенькой. Было даже както странно называть ее иначе, такую пигалицу, от горшка два вершка.

За короткий срок в жизни Настеньки произошли знаменательные события. Ее скудная доселе автобиография пополнилась важными данными, столь необходимыми для будущих анкет. Получила паспорт. Вслед за восьмилеткой окончила с отличием кулинарную школу. Приказом по районному тресту общественного питания ее зачислили поваром в столовую № 22.

Впервые снаряжая дочку на работу, мать придирчиво оглядела ее с головы до пят. В новом костюме с кримпленовой юбочкой, не очень короткой, но и не слишком длинной, с маленькой сумочкой, чистенькая, опрятная, скромная — придраться не к чему.

— Смелее, Анастасия! — напутствовала мать на всякий случай.— Учись у старших, не выставляйся, не будь белой вороной...

Первый трудовой день Настеньки начался с того, что ей выдали длинный, до пят, белоснежный халат и накрахмаленный поварской колпак. От волнения она долго не могла завязать тесемки халата. С трудом с ними управилась и, не чуя под собой твердой почвы, предстала перед шеф-поваром. Тот, смерив ее недоверчивым взглядом, для порядка спросил, чему их учили в кулинарной школе. Настенька в ответ что-то залепетала, но шеф не дал ей договорить и тут же поручил в виде испытания самостоятельно приготовить соусы и приправы ко вторым блюдам.

Настенька блестяще справилась с заданием.

Строгий и хмурый шеф-повар, отведав Настенькину продукцию, высоко оценил ее:

— Молодец. Далеко пойдешь!

Подружки по кухне поздравили ее с первым успехом. На душе у Настеньки стало светло и празднично.

Рабочий день прошел быстро и незаметно. Шумной, веселой ватагой высыпали из столовой поварихи, официантки, судомойки. У каждой руки были отягощены сумками, сетками, кошелками, загруженными по самый край всякой кулинарной снедью в количестве, вполне достаточном для устройства банкета минимум на десять персон. Лишь одна Настенька держала в руке маленькую дамскую сумочку, где едва вмещался носовой платочек, пробные духи, мелкая разменная монета для проезда в автобусе.

Старая судомойка бабка Уля не выдержала и затараторила в адрес новенькой поварихи:

— Тю! Вот рассмешила! Кто это тебя надоумил приходить на работу в столовую с такой мелкой тарой?

— То мама вчера подарила...

— Ишь, какая она у тебя сознательная! Хочешь прослыть белой вороной?! Чтобы завтра же была при полном параде — с авоськой или с кошелкой... Нечего выставляться!..

Бедовые официантки поддержали бабку Улю дружным, жизнерадостным смехом.

— В честь праздника женщин танец маленьких лебедей исполнит мужской состав работников сцены!

Рисунок И. СЫЧЕВА

Михаил ВЛАДИМОВ

СЛАБЫЙ ПОЛ?

Кто когда—найдем едва ли —
Создал этот ореол,
Но мужчины
Женщин звали
Очень долго: «Слабый пол!»

Времена иные
Нынче —
Стал эпитет архаичен:
Водит трактор,
Правит краном,
Агрегатом-великаном,
Чертит планы новых школ —
Наш заботливый,
Любимый,
Боевой,
Неутомимый,
Сильный духом
Слабый пол!

И доказано бесспорно:
Слабый пол —
Сильней в быту:
Оставаясь в лучшей форме,
Варит, жарит,
Поит, кормит
И наводит чистоту!

В это время сильный пол
Смотрит матч «Спартак — Торпедо»...
Сотрясает «рыбой» стол...
«На троих» ведет беседу...
И при этом муж иной
Пребывает
За женой,
Как за каменной стеной!

Как-то раз на женский вечер
Женишок невесту вел.
Говорил ей сладки речи
Про прекрасный
Слабый пол.

Но ошибся парень скоро
В дозах горького вина,
И тащила ухажера
К дому «слабая» она!

И слышны сужденья ныне:
Золотую бы богиню
Отхватил наш слабый пол,
Если б он играл в футбол!

Вот мужчины раньше были —
Слабость в женщине любили.
А теперь пошли умней:
Больше силу ценят в ней!

В. ЕНЕШ

ПЕРЕСОЛИЛИ

Обедать я, как правило, домой езжу. Хотя столовая рядом с учреждением, в котором я работаю. Только не нравятся мне столовские обеды. Шум, гам, места не найдешь. В общем, домой езжу.

Вот и сейчас жена быстро накрыла на стол и сказала:

— Ешь. Мы после пообедаем, не жди нас. Тебе же торопиться надо...

Это верно, у нас на работе строго спрашивают за опоздания. Только хлебнул на этот раз я ложку супа — и аж скулы почему-то свело. Еще одну попробовал — слезы брызнули. И даже икнул несколько раз.

— Пере... ик...— говорю жене,— ик... пересолила.

— Ты всегда к чему-нибудь придерешься,— сердито сказала жена.— Тебе всегда то пересолено, то недосолено, то жирно, то постно, то густо, то жидко. Тогда сам вари для себя! А можешь и в столовой питаться... Пересолила! Да я, как всегда, только одну ложку соли положила... Так что поменьше капризничай.— И жена, в сердцах хлопнув дверью, вышла.

Наверное, она слишком громко на меня кричала, потому что тут же вбежала мать.

— Ну, зачем ты ее бил? — накинулась она на меня.

— Да не бил я ее,— разъяснил я матери положение, продолжая икать.— Сказал вот только, что суп пересолен.

— И-их, сынок,— горестно посмотрела на меня мать,— не ценишь ты женскую работу... Суп-то сегодня никак не должен быть пересолен. Я сама солила. Как всегда, две щепотки соли и положила. На работе, наверное, у тебя неполадки, а на жене злость сгоняешь... Нехорошо! — И она тоже хлопнула дверью.

— Какая муха вас сегодня укусила? — добродушно спросила бабушка, войдя в комнату.— Кричите, дверями хлопаете...

— Да ничего не случилось,— ответил я,— суп пересолен. Всего и дел-то.

— Не болтай чепуху! — вдруг вспыхнула бабушка.— Зря обижаешь людей, Микулай, грех на душу берешь. Суп как суп, потому как сама я его солила. Точь-в-точь две чайных ложечки положила. Как всегда.

— Сестренка! — позвал я, когда бабушка вышла из комнаты.— Урине, ты сегодня суп солила?

— С-солила,— испуганно ответила Урине, выглядывая из соседней комнаты.— Две щепоточки... А что, мало, наверное? Недосолен?

Я не успел ей ответить. В комнату вошла жена. За ней с решительным видом показались мать и бабушка... Я не буду описывать бурю, которая разразилась вслед за этим над моей головой.

В общем, обедаю я теперь пока в столовой...

Перевод с чувашского.

Виктор ДМИТРИЕВ

БАБУШКА-СОЛДАТ

Это было
под Берлином,
На дороге фронтовой,
Повстречался я
с Полиной,
Со своей
родной женой.
Далеко тогда
от дома
Увела меня
война,
Местность
вовсе не знакома,
Ну, а тут, гляжу,—
жена.
Как солдат стоит,
в шинели,
Даже выправка
видна...
Неужели
в самом деле
Тот солдат —
моя жена?
— Ты,— кричу я ей:
— Полина!
А она ко мне:
— Иван!
Скрипнул тормоз.
Стоп машина.
Соскочил,
поцеловал.
Обнялись,
стоим с Полиной,
Не видались
всю войну...
Так на фронте,
под Берлином
Повстречал солдат
жену.
Вдруг мы слышим:
— В чем тут дело?
— От чего
в пути затор?
Иль в моторе
что заело,
Или выдохся мотор?
Оглянулись —
с нами рядом
Весь в медалях
старшина:
— Нарушаете порядок!
Дисциплина не видна!
Старшина сказал Полине:
— Иванова, рядовой,
По какой такой
причине
Пост оставили
вы свой?
Встав во фронт,
по стойке
«смирно»
Доложила
старшине:
— Так что,
значит,
в жизни мирной
Мужем он
выходит мне.
С первых дней войны
в боях он,
Ну, а тут, гляжу,—
живой!
Старшина сказал:
— Понятно,
Иванова, рядовой.
...Встала вновь
на пост Полина,
Указала
путь рукой,
И поехали машины
По дороге
фронтовой...
Вот пришла
той встрече
дата:
Тридцать лет
тому назад
Повстречал солдат
солдата,
Повстречал жену
солдат.
...И, разглядывая снимки,
Внуки нынче
говорят:
— А на этой вот
картинке
Наша бабушка
солдат!

— Посмотрите, господин обер-лейтенант, какая фигура!..

Ну, настоящая... парижанка.

Рисунок Л. БРОДАТЫ, 1942 г.

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ «НОЧНОЙ ВЕДЬМОЙ»?

Странный это вопрос. Такой же странный, как если бы спросили: легко ли быть на войне? Да и существует ли вообще военная романтика?

Ведь вместо мощных и стремительных самолетов у них был прозаический тихоход ПО-2 (бывший довоенный У-2, или «этажерка».) На нем летать-то можно было только ночью — иначе подстрелят в два счета... А прицел? Они называли его сокращенно ППР. «Проще пареной репы»... А бомбы? Только две фугаски подвешивались на крылья, остальные же штурман бросала вручную из своей кабины. Так легко ли быть «ночной ведьмой»? Особенно если ты обыкновенная девчонка, оставившая из-за войны институт или техникум, и тебе восемнадцать — двадцать, и хочется петь и танцевать, а не сбрасывать бомбы?

Но нужно было сбрасывать, и они сбрасывали. А между боевыми вылетами пели и шутили, потому что так уж устроена жизнь. Потому что с объявлением о всеобщей мобилизации люди не перестают быть остроумными.

На заданье я летала,
Повстречала самолет.
В нем я милого узнала —
Эффективный был полет!

Не летай напрасно, братец,
Не крути ты виражи!
Если хочешь мне признаться,
Приезжай да расскажи.

Они устраивали концерты самодеятельности, на которые приходила вся дивизия. Руфа Гашева, Таня Сумарокова выпускали юмористический журнал эскадрильи «Крокодил».

«ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ — ходить в унтах и комбинезоне в нелетную погоду на аэродром и обратно.

СВЕРХНАИВНОСТЬ — верить в прогноз синоптиков.

СВЕРХТЕРПЕНИЕ — ждать, пока подсохнет аэродром.

СВЕРХОГОРЧЕНИЕ — по ошибке вымыть чужой унт...»

А потом, когда все уже было позади, они жили в предместье побежденного Берлина и ждали демобилизации. Жили вполне сносно, не как раньше, в первые годы войны, когда из-за перебоев снабжения ели одну кукурузу и спали на ее листьях. Уже далеко позади был хлев, где им однажды пришлось остановиться и который они назвали гостиницей «Крылатая корова». Позади были тысячи километров — от Сталинграда до польского Щецина.

Под Берлином наступил отдых. И Наташа Меклин написала тогда шутливую молитву, которую, ко всеобщему восторгу, исполнила Поля Гельман:

Отче наш,
Иже еси на небеси,
Нас в Россию унеси!
Наши горести пойми,
Неведеньем не томи!
Отдых дольше протяни,
Шли нам солнечные дни,
Не забудь про книги, боже,
Музыка была чтоб тоже,
И чтоб были все довольны,
Мяч пришли нам волейбольный...

Ожидая под Берлином скорой демобилизации, они собирались по вечерам все вместе, садились кружком на соседние кровати и вспоминали.

— Было это, девчонки, как раз седьмого ноября сорок третьего под Керчью. Помните? Нам тогда еще на праздничном обеде по стопке вина выдали. Вино-то не особо крепкое, но я как выпила — так меня в сон и потянуло... И вдруг приказ на вылет! Прямо из-за стола — в самолет... Поднялись, значит, в воздух. Мотор ровно стрекочет, убаюкивает. Сижу, глаза слипаются, будто не бомбить летим, а на именины к тетке... Ладно. Худо-бедно, приближаемся к цели. И вдруг вражеский прожектор прямо в нас воткнулся, и зенитки забухали. И тут Рая Аронова — мой летчик — говорит: «Гляди,— говорит,— над нами самолет какой-то!» Подняла глаза и вижу: точно. Летит. Сон как рукой сняло. «Попробуй-ка от него отвязаться»,— говорю. Мы вправо — и он вправо, мы влево — и он туда же. Что придумать? Однако задание выполнять пора. Сбросила я бомбы, мы развернулись и благополучно прилетели домой.

— А самолет?

— Какой самолет?

— Ну, тот, который над вами висел?

— Так ведь не было никакого самолета! Это, когда вспыхнул прожектор, тень от нашего ПО-2 уткнулась в низкие облака...

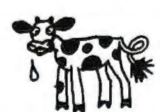
— А помните, как у Жени Рудневой бомба зависла?

— Помним, но все равно расскажи.

— У нее, значит, одна стокилограммовая фугаска от крыла не отцепилась. Что делать? Пора возвращаться на свой аэродром, а эта махина может сорваться в любую минуту. Но ничего не поделаешь, летят домой. Дают предупредительную ракету: мол, тревога! На аэродроме ЧП. И вдруг при подлете бомба отрывается от крыла... и падает точно в старый, заброшенный колодец. Представляете?..

— А хотите, я вам расскажу? Совершенно правдивый случай. Как-то в сорок четвертом в Белоруссии мы так далеко вырвались вперед, что обеспеченцы от нас отстали. Самолеты пришлось поставить посреди единственной улицы села и назначить на ночь караулы из самих же девчат. Ночь чернущая, как фашистская душа. Ну вот. Стоит одна девчонка на часах. Кругом тихо... И вдруг — шаги. У той — сердце в пятки, но с силами собралась и кричит: «Стой! Кто идет?» Шаги смолкли. Снова тишина... Может, почудилось? И вдруг опять: топ-топ. «Стой! Стре-

лять буду!» А тот уже не останавливается. Она автомат вскинула — и в воздух трах-тарарах! Все на ноги повскакали: что случилось? Стали фонарями вокруг шарить. И вдруг раздается на жалобной такой ноте: му-у! Осветили — теленок стоит, испуганный, жалкий, на летчиц глазами косит и мычит.

— Наверное, ты и была той девчонкой, которая в воздух палила?

— Я?! Да что вы! Ну, слушайте дальше. На рассвете подтянулись обеспеченцы. И по дороге пленных взяли. А те рассказывают, что в соседнем лесу полным-полно окруженных немцев. Они, оказывается, пронюхали, что мы одни на ночь оставались, и хотели наши самолеты захватить, чтобы к своим через фронт податься. И — кто знает! — пришлось бы тогда нам туговато...

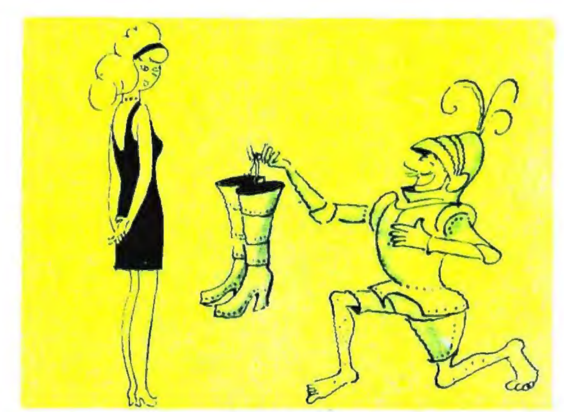
46-й гвардейский Таманский женский авиационный полк собирается два раза в год — 8 ноября и 2 мая. Летчицы, штурманы, техники — орденоносцы и Герои Советского Союза,— все они приходят в сквер у Большого театра. Они смотрят друг другу в глаза, плачут от счастья, что увиделись вновь, и спрашивают друг друга: «А помнишь?» И снова слышатся их военные песни, их военные стихи. Тридцать лет! Прошло уже целых тридцать лет! Как быстро девчонки становятся ветеранами!..

С героинями 46-го гвардейского Таманского женского авиационного полка беседовал

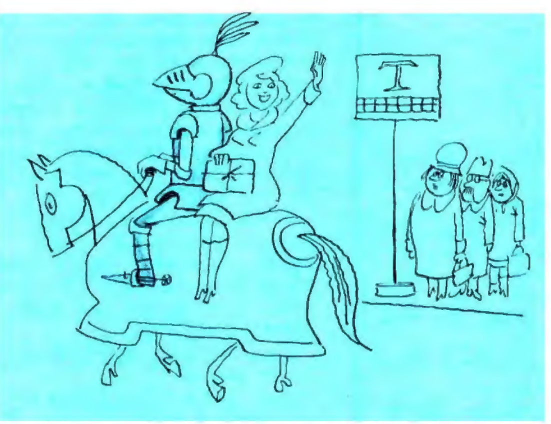
Мих. КАЗОВСКИЙ

Ю. ЧЕРЕПАНОВ

МУЖЧИНЫ! ВОСПИТЫВАЙТЕ В СЕБЕ РЫЦАРСКИЕ КАЧЕСТВА:

ЩЕДРОСТЬ

ВЕЛИКОДУШИЕ

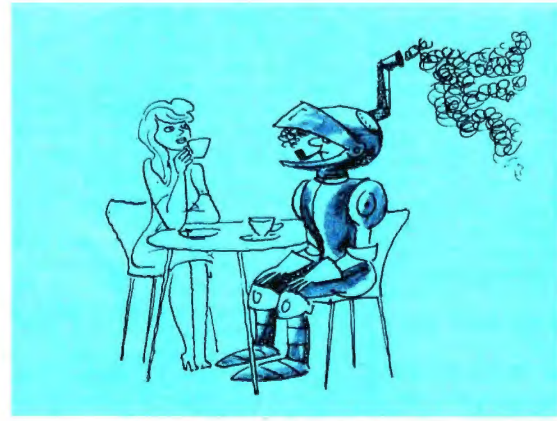
НЕПРОБИВАЕМОСТЬ

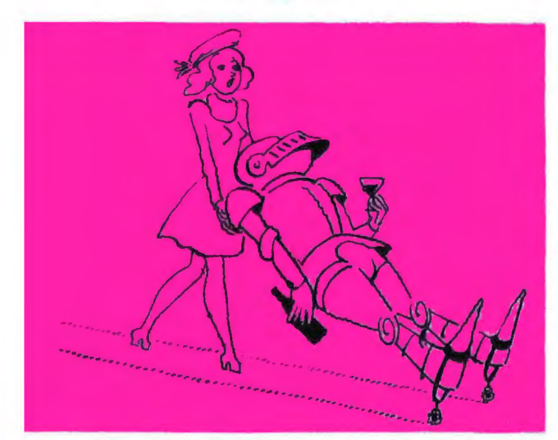
СГОВОРЧИВОСТЬ

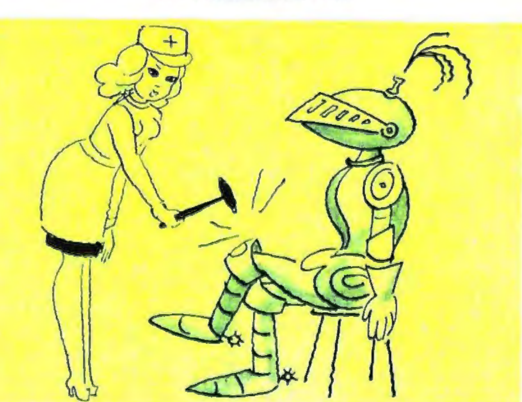
ВЕРНОСТЬ

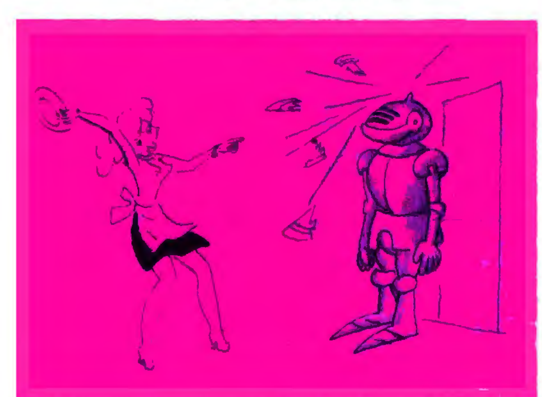
ВНИМАТЕЛЬНОСТЬ

ТРАНСПОРТАБЕЛЬНОСТЬ

ЖЕЛЕЗНЫЕ НЕРВЫ

ВЫДЕРЖАННОСТЬ

(Начало см. на стр. 2)

ДИСКУССИЯ: СТИРАЮТСЯ ЛИ ГРАНИ?

Возвращаем с благодарностью...

говорит
Елена
ЦУГУЛИЕВА

Стирание граней — дело хорошее, но, честно говоря, трудное. Бывает так, что одна сторона (конечно, женщина) их стирает, а противоположная (конечно, мужчина), наоборот, укрепляет.

Возьмем, к примеру, сферу производства. И мы увидим, что кроткая, заботливая и любящая женщина делает все, чтобы мужчина выглядел красивым и элегантным. Она снабжает его высококачественными одеколонами, лосьонами и мылами, шьет прекрасные рубашки на уровне мировых стандартов, вяжет для него трикотажные изделия.

А чем платит ей мужчина? Как он ее украшает? Начнем с головы. Разумеется, женской.

Известно, что не все женщины носят короткую стрижку. Одним она не к лицу, другим не к возрасту, третьим не хочется обрубать под корень пышную, густую косу и взамен напяливать парик, сделанный невесть из чего. Такие женщины обычно носят прически. А для каждой, даже самой незатейливой прически (она называется «кукиш») необходимы шпильки, гребни, заколки, «невидимки» и т. д. Так вот, нет никакого сомнения в том, что эти предметы изготовляются мужчинами, которые стремятся причинить женщинам возможно больше неприятностей.

Возьмем хотя бы шпильки, которые продаются без ограничения во всех наших магазинах. Их концы ужасно острые, неровно обрубленные и при малейшей неосторожности запросто протыкают кожу. На них идет самый что ни на есть быстроржавеющий материал: отходы кузнечного производства и чугунолитейных заводов, порой, наверное, используются бракованные гвозди. Эти на редкость безобразные шпильки являются детищем завода металлогалантереи № 1 Мосгорисполкома.

— Зато дешево! — возразит женоненавистник. — Пятак десяток.

Но женщина не скупится. Она может заплатить гораздо дороже, но за хорошую вещь. А ей приходится брать шпильки из гвоздей лишь потому, что рыцарь с завода металлогалантереи ей больше ничего не предлагает.

Когда-то Кармен украшала свои черные кудри черепаховым гребнем. Бывали гребни роговые, костяные. Но с тех пор, как из рогов и копыт стали делать безделушки вроде дюймовочек или царевен-лягушек, на гребни уже кости не хватает. Перешли на целлулоид. Потом все запасы целлулоида куда-то делись, и гребенки вообще перестали вырабатывать. Женщины возопили, «Крокодил» выступил. И...

— А, голубушка, жалуешься? Гребенка тебе нужна? — И рыцарь-пластмассовик стал изготовлять гребенки из пластмассы. Корявые вроде пилы, зазубренные, острые, в заусенцах, с трудом лезут они в волосы, а когда вылезают, то вытаскивают за собой целые пучки волос. Какое предприятие изготовляет их, понять трудно. На них вместо фабричной марки таинственная загогулина.

Ехидный женоненавистник торжествует:

— Ага, не нравится? Так нечего перед зеркалом вертеться. Иди-ка ты, голубушка, на кухню...

И женщина покорно идет на кухню. Не впервой. Но и тут ее преследуют предметы, изготовленные или собственноручно, или по идее того самого вредины, который не дает стираться граням. Это...

чапельник (иначе сковородник), который никак не хочет ухватывать сковородку;

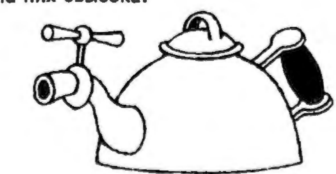
картофелечистка, сдирающая кожуру в полтора сантиметра;

эмалированный чайничек, ручка которого так накаляется, что брать ее можно лишь через валенок.

И еще множество столь же удобных и красивых вещей.

Вот и попробуй стереть грань при такой ситуации! Нипочем не сотрешь!

Скажете, мелочи? Так ведь и вся жизнь состоит из мелочей. Не смотрите на них свысока.

Вопрос ребром

ставит
Татьяна
ШАБАШОВА

В области спорта? Стирание граней? Надо подумать. С одной стороны, мужчина, здоровяк, подобье божье, человек, царь природы. С другой — женщина, друг и жена, в некотором роде производное, поделка из ребра, резьба по кости. Существо слабое, хрупкое.

Гипотеза о реберном происхождении женщин позволяет поставить вопрос ребром. Так как же все-таки, дорогие товарищи, на сегодняшний день с гранями? Есть, спрашивается, грани или стерлись? Домыслы и рассуждения не выведут нас на чистую воду. Обопремся на сухие цифры.

После небольшого перерыва в 1 503 годочка на беломраморном стадионе в Афинах прогремел гимн, шарахнули пушки, взлетели в небеса голуби мира и при великом стечении болельщиков в торжественной обстановке возобновилось полезнейшее из всех спортивных мероприятий — Олимпийские игры.

Сильнейшие и мускулистейшие из разных стран выбежали на старты.

Бег. 100 метров. Внима-ние... Арш!!! И могучая кучка сорвалась с места. Стадион взвыл. Ахнул. Но он и ахнуть не успел, как самый быстробегущий красавец, дававший стрекача по гаревой дорожке, американец Томас Бэрк, дорвался до финиша.

«Бэ-э-эрк!!!» — ревел стадион, закидывая победителя цветами. Потрясающе! Невиданный и неслыханный доселе результат! Стометровку за 12 секунд!

Трепетно голубели водные дорожки. «На старт! Внимание!!! Бултых!..». Соревнуются Ихтиандры. Один, по имени Альфред Хайош (через несколько секунд это имя будет на устах у всего мира!), вырвался вперед. Грудью рассекает *волну, колесит руками, выделывает кренделя ногами, звер*ски крутит головой, открытым до отказа ртом ловит воздух. Гребок! Еще гребок! Виден финиш! Еще одно последнее усилие... Ы-ы-ы!!! Победа! Урррa!!! Стадион сотрясается. Болельщики дошли до ручки и требуют автографов. Еще бы! Человек-Нептун, человек-амфибия, человек-акула отмахал 100 метров вольным стилем за 1 минуту 22,2 секунды! Рехнуться можно.

В диких, нечеловеческих прыжках летает по воздуху американец Кларк Эллери. 6 м 35 см в длину — невероятно! 1 м 81 см в высоту! «Сам дьявол вселился в его ноги! Ум отказывается верить!» — кричали газеты всего мира.

Не будем больше томить читателя. То были небольшие фрагментики из бурных событий первых Олимпийских игр 1896 года. Сегодня, глядя на эти фрагментики, снисходительно улыбаются Люда Самотесова и Люда Маслакова. Они-то пробегают стометровку за 11,1 сек. Альфреду Хайошу было бы неудобно стартовать рядом с Галиной Степановой-Прозуменщиковой или Любочкой Семкиной. Любочка проплывает 100 метров вольным стилем за 59,62 сек. 7 (СЕМЬ!) Олимпиад потребовалось мужчинам, чтобы дотянуть до ее результата!

Ну уж зато в стрельбе мужчины, конечно, отыгрались, скажет некий непосвященный. Посвящаем: а вот и нет! И в этом истинно мужском виде мужчины дают маху. 599 из 600 возможных настреляла Елена Донская. И гнались за ней с винтовкой стрелки XVII, XVIII и XIX Олимпийских игр, а догнать — увы и ох! — не смогли.

В свете прыжков Тани Щелкановой меркнет ослепительный Кларк Эллери. Танюша пролетает 6 м 73 см. Иоланта Балаш без трамплина сигает в высоту на 1 м 86 см. Победительница двух Олимпиад Шурочка Забелина сразила бы Атоса, Портоса, Арамиса и д'Артаньяна включительно. Впрочем, они накололись бы не только на ее рапиру. Эти женолюбы и через сетку разглядели бы, что Шура — красавица. Недаром ей был выдан приз самой красивой участницы Олимпиады.

Женщины вообще любят покрасоваться, повесить на себя медальку-другую. Думается, что корень их успехов как раз в это и упирается. Но что с них взять? Слабый пол, кокетки. Начальник управления пропаганды Комитета по физической культуре и спорту Айдар Валиахметов прямо так и говорит: «Чего греха таить? Любят наши женщины навешивать на себя медали. На Олимпийских играх особенно. Увы, мужчины ведут себя скромнее». И правда, если вспомнить, как себя украшали наградами Лидия Скобликова, Людочка Турищева, Галя Кулакова... Умолкаю. Перечислить невозможно. А Нонна Гаприндашвили? Да что говорить! В мужских турнирах любой мастер сто раз спасибо ей скажет за ничью.

Вот вам и грани.

На железном троне

— так назвала
свое выступление
Майя
ИГНАТЕНКО

Когда изобрели трактор и труд земледельца стал легким и приятным, мужчина оказался тут как тут. Он легко вскочил на железного коня, великодушно оставив за женщиной прополку сбор овощей, дойку коров и прочий легкий ручной труд. Женщина прямо-таки изнывала от безделья и однажды, распустив шнурки корсажа, сама взошла на железный трон.

Что тут поднялось! Аплодисменты, приветствия, напутствия, радостные проводы на курсы механизаторов. Правда, встречи иногда оказывались чуть прохладнее. Особенно когда златокудрый механизатор робко просил надежную, по возможности исправную машину. Сельская администрация пыталась отговаривать:

— И охота вам, дорогие бабоньки, пачкаться в солярке? — намекая, что белые рученьки в глазах мужчин по-прежнему остаются символом женской красоты.

Но бабоньки не привыкли жалеть себя и, глядишь, через два-три месяца добивались своего. К этому времени сверкающая заводским лаком техника уже была в уверенных мужских руках, а женщине милостиво вручали трактор, чуть помоложе египетской колесницы. Но и на нем она ухитрялась творить чудеса, внося в работу женское терпение и аккуратность.

И тут-то вот женщину начали упрекать в том, за что ее всегда боготворили: за физическую слабость, мешающую жонглировать пудовыми запчастями.

Эмансипация не делает скидок на хрупкость женской конституции. Эмансипируйтесь на общих основаниях! Не ждите милостей от эволюции, перестраивайте свой организм сами, чтобы плохие амортизаторы стали бессильными против вашего железного здоровья, чтобы неудобные сиденья не смогли вогнать радикулит в ваши закаленные поясницы!

И женщина понимает всю несостоятельность своих претензий.

Достаточно того, что в угоду ей уже однажды был изобретен женский велосипед.

Право же, она счастлива и этим малым. И уже совсем забываются все невзгоды, когда ее степной корабль плывет по пшеничному полю. Девятибалльные золотые волны покорно подкатываются к ее ногам, вереницы грузовиков ждуще раскрывают перед ней дощатые ладони кузовов, и тогда она, как сказочная лебедушка, взмахнув рукавом, отсыпает им полной мерой тяжелое зерно. Иногда она легко выпархивает из душной кабины за порцией свежего воздуха, умывает белой тряпицей закопченное ветровое стекло и, потирая ноющую поясницу, не желающую перестраиваться, мечтает.

Но мечтает она вовсе не о троне, которого она, согласитесь, достойна. Ее устроило бы простое мягкое сиденье, наподобие тех, которые так располагают ко сну водителей «Жигулей», герметичная кабина и пара услужливых «дворников» на стекле.

Согласитесь, как мало надо этой королеве!

Это уже утешительно

— констатирует
Светлана БОРИСОВА

За своим кульманом в КБ, населенном почти одними мужчинами, я чувствую себя вполне равноправной.

Мы модернизируем один коммунальный агрегат, знаете, такой, для уборки снега, с рычагами вроде загребущих рук?.. Так вот, наш агрегат будет не только подскребывать снег, но, как утверждает шеф, тут же его се-па-ра-то-ри-зи-ро-ва-ть. А если вовремя поспеют автоцистерны «Молоко», то и вырабатывать отменные пломбиры...

Словом, наша группа работает с особенным энтузиазмом. Может быть, потому, что мужчины тоже любят мороженое — не правда ли? А может, потому, что, как сказал шеф, отныне по примеру конкурирующего КБ ко всей нашей продукции будут присобачены маленькие таблички с указанием фамилий конструкторов — этакий знак авторского качества. Понятно, что среди десяти мужских имен найдется местечко и для меня.

Ах, нелегкая! Никак не прорисовывается одна деталь, хоть плачь. Спешу в рубку к шефу. Тесновато от кульманов и столов. Да еще мешает роскошный щит роскошной стенгазеты, выпущенной специально к 8 Марта. Щит роскошный, а сбоку торчит гвоздь, невесть кем вколоченный. Надо бы его вытащить, да ведь это мужское дело...

Так и есть, задел этот проклятый гвоздь мой брючный костюм, задел. Выдранный лоскут заполоскался, как вымпел.

— Ах! — раздался сочувственный стон мужчин.

Кое-как прикрыв дыру цветной калькой, я поспешила на место. Что же делать? И тут посыпались советы:

— Купить новый...

— Положить яркую заплату и такие же разбросать всюду. Это модно...

— Постойте! — вскричал мой сосед.— Ведь у нас под боком открылся автомат-ателье или ателье-автомат, ну что-то в этом роде...

Переступив порог ателье, я увидела указующий перст и надпись: «Просим нажать кнопку!»

Я нажала — и мгновенно вокруг меня зажглись, замигали скрытые лампы, раздалось тревожное гудение, и откуда-то сбоку вырвался узкий зеленый луч. Он обшарил меня от ступней до талии, перебрался на грудь, очертил плечи и скрылся...

Это длилось несколько секунд, после чего на экране засветилась надпись: «Ваша штанина скалькулирована. Оплатите заказ».

Красная стрелочка вывела меня из царства автоматов и привела к двери с табличкой «Оформление заказов».

— Разрешите пройти,— обратилась я к даме, сидящей у двери на складной табуреточке. — У меня уже все готово, мне только оформить...

— Всем оформить! — ухнула многоликая толпа, забившая комнату. Я огляделась... Кто-то закусывал, примостясь на портфеле. Веселая компания разыгрывала подкидного дурака. Чернобородый дядя заканчивал вязать спинку толстого свитера...

— Вы шутите,— сказала я, все еще пытаясь выяснить перспективу.

— Какие уж тут шутки,— хором разъяснила мне очередь.— Ведь приемщице нужно заполнить квитанции из двадцати пунктов каждая...

— А автомат? — спросила я приемщицу.

— А чего автомат? Он свое дело сделал.

— Кто же сконструировал это диво? — профессионально поинтересовалась я.

— Кто? А бог их знает. Да вы сами посмотрите, там вроде есть какая-то табличка с фамилиями.

Среди мужских имен красовалось одно женское. Это уже было некоторым утешением. Гордая за своих сестер-конструкторис, я отправилась домой и проштопала лоскут вручную.

Рассказывает
Ирина КМИТ

Муж с медальоном

«Нет, если б видели мой тюрлюрлю атласный!»
А. С. Грибоедов, «ГОРЕ ОТ УМА».

Прежде всего я должна откровенно признаться в следующем. Очевидно, в силу моей еще сравнительной молодости даже самая модная одежда отрицательных эмоций во мне не вызывает. С возрастом это, наверное, у меня пройдет.

Итак, поскольку я женщина эмансипированная и раскрепощенная, а потому свободного времени, по существу, не имеющая, в современной моде я больше всего ценю ее практичность. Практичность — вот принцип современной женщины. Основное, что мне помогает придерживаться этого принципа,— это то немаловажное обстоятельство, что у меня с мужем общий гардероб.

Мы носим одни и те же брюки, свитеры, рубашки и куртки. И все это, повторяю, у нас общее. Ну, конечно, за исключением кое-каких мелких деталей. К примеру, муж повязывает шею цветастыми шарфиками, я же отдаю предпочтение галстукам строгих тонов.

Никаких споров по поводу одежды у нас не бывает. Я никогда не услышу от мужа что-нибудь вроде: «Опять ты купила новое платье! У тебя в голове одни тряпки!» Во-первых, такой предмет туалета, как платье, в моем гардеробе отсутствует, во-вторых, каждая новая вещь, приобретенная мною, равно предназначена и для него.

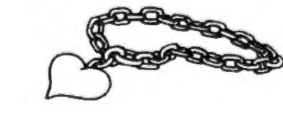
Конечно, тут самое главное — совпадение вкусов. Я знаю одну ужасную семью, где почти ежедневно происходят жуткие ссоры на грани скандалов с битьем посуды. И все по той причине, что мужу нравятся джинсы с разноцветными фуфайками, а жена настаивает на классических костюмах-тройках.

У нас с мужем в этом отношении царит мир и согласие. Единственное, что меня подчас раздражает,— это пристрастие моего мужа к различного рода украшениям: цепочкам, медальонам и т. д. В принципе я не против бижутерии, но, с моей точки зрения, он слишком на нее тратится.

Вульгарные остроты нынешних юмористов по поводу того, что якобы теперь невозможно по внешнему виду отличить мужчину от женщины, я с возмущением отвергаю. Нас с мужем различить очень просто. Я ношу гораздо более короткую прическу, и мой муж не курит.

В заключение обращаюсь к эпиграфу. Я не знаю, что такое тюрлюрлю. Но более чем уверена, что все эти тюрлюрлю и трулляля не что иное, как средство, к которому прибегали мужчины-узурпаторы девятнадцатого века, дабы окончательно унизить, закабалить и лишить чувства собственного достоинства несчастную, неэмансипированную и закрепощенную женщину.

Современной женщине тюрлюрлю не нужен! Или не нужна. А может, не нужно.

Подоспевший к концу дискуссии Борис ЮДИН тоже попросил слово.
— Равноправие? — спросил он.— На словах или на деле? Если на деле,— дайте высказаться и мужчинам. Учтите, что я буду говорить

О женщинах и, кстати, о мужчинах

Не остановишь жизни бег...
Где «слабость женщин»! —
Миф развенчан:
Всем ясно — двадцать первый век,
Конечно, будет «Веком Женщин».

Им все права страна дает...
И это «слабое созданье»
Летает, учит, лечит, шьет,
На сцене арии поет,
И «быстрой ножкой ножку бьет»,
И воздвигает чудо-зданья.

Обилен выбор и хорош —
Профессий тыщи благодарных,
И нынче женщин не найдешь,
Ну, разве что среди пожарных.

Прогрессу вспять идти нельзя!
(Хоть утвержденье тривиально).
Но «равноправие», друзья,
Неужто понимать буквально!

Красиво было б — сгоряча
Заставить девушку иль бабку,
Что повстречали усача,
Снимать перед мужчиной шляпку!

Никто не вправе помешать,
Но нужно ль Колю или Васю
С поклоном к танцу приглашать!
(За исключеньем «дамских вальсов»)

Жена — супругу (чем не «рай»!):
— Ты завтра выкупай Наталку,
Свари обед и постирай.
А я с подругой — на рыбалку.

Кричат они — о женский нрав! —
— Нет, бдительность
мы не притупим!
Не отдадим мы наших прав,
Ни в чем мужчинам не уступим!!!

Мужчинам по душе ваш путь.
А все ж, соратницы, коллеги!
Оставьте нам хоть что-нибудь
Из наших бывших привилегий!

В большом раздвоении чувств топчется автор по коридорам печатного органа: в какой же отдел сдавать ему сочинение? В экономический отдел или в отдел культуры?

Доложим проблему и попросим совета, в какую все-таки дверь толкаться.

А. МОРАЛЕВИЧ, специальный корреспондент Крокодила

ПОД СЛАДКИЙ ЛЕПЕТ МАНДОЛИНЫ...

Итак, скорым поездом № 38 из столицы в город Горький прибыл В. И. Морозов, сотрудник Института интроскопии. Командирован он был на знаменитый ГАЗ получить грузовик. Грузовик, знаете ли,— это не пара пустяков. И уже предвкушал Морозов, как оправдает доверие, как ответственно и со вкусом подойдет он к важному делу: и приблизит ухо к блоку цилиндров, и обследует лично трансмиссию, и проверит комплектность в смысле недовложений...

И вот, витая мыслями в автомоторных делах, В. Морозов ступил на перрон. И отметил неискушенный Морозов в окружающей обстановке детали, прямо скажем, не главные: что погода ужасна, что на Волге гудят пароходы, возвещая конец навигации, что обувь через сотню шагов вдрызг промокнет.

А главного не приметил т. Морозов, не сделал ухо востро. Не встревожился, что какая-то праздничная приподнятость царит на вокзале. Что некая торжественность разлита в воздухе. Что много кругом транспарантов и кумачей со словами привета. Что какая-то специфическая публика ссаживается на перрон из вагонов и что его, Морозова, толкают и затирают в толпе опять-таки специфическими предметами: не пошлыми авоськами с пищепродуктом, а футлярами контрабасов, гобоев, скрипок и флейт.

Но, не обративши на все это внимания, пересек специалист интроскопии чрезвычайно промышленный город, и вот на волжском юру открылся ему отель «Интурист».

Однако не поселился в отеле механик. Не было мест.

А непогода забирала все круче. Тяжелые и большие, как белые телефоны, летели снежные комья. С поднятым воротником брел интроскопист сквозь бурю в отель «Россия». Однако и «Россия» не пригрела получателя грузовика. Тогда, холодный и транжирящий такое важное служебное время, обратил интроскопист Морозов свои стопы к отелю «Москва».

Уже тучи командированных роились вокруг администраторского барьера «Москвы»: производственники, водники, врачи, транспортники, работники аграрного фронта. Но всем им, даже важнейшим, было отказано в поселении, и зря немигающими глазами передовика, привыкшего сниматься для «досок почета», гипнотизировал администратора какой-то Елохов из системы «Госатома».

Первым оценил бесперспективность поселения в отелях города Горького экспедитор центрально-черноземной артели, выпускающей для детей игрушечные килограммы и километры. Оценил и снова отбыл на вокзал попутным грузовиком, расписанным текстами:

«КУРИТЬ В ПОСТЕЛИ ОПАСНО!»

А остальные сотни тружеников иногородних государственных служб? Упрямцы! Они протискивались в городские важнейшие органы, твердили о важности, спешности производственных нужд, приведших их в Горький, и требовали дать им возможность вселиться в гостиницы. Ну даже на раскладушки!

— А я,— сказал механик Морозов,— я даже согласен спать на гладильной доске в гостиничной комнате быта!

Но ничего не могли предложить командированным главнейшие городские инстанции, и честные их сотрудники унижались до ответов чужим голосом по телефону и сбегания со служебных мест.

Потому что все гостиничные места в городе, все до единого, съел Объединенный пленум Союза композиторов РСФСР. Наша культурная жизнь начисто вышибла из колеи нашу экономическую жизнь.

А поезда прибывали. В едином строю шли вселяться в свои номера композиторы... Укутывая шарфами голосовые связки, строились поротно люди Всероссийского хорового общества и шли заселяться. И высаживался еще хор Чувашского радио, участники шестого фестиваля «Современная музыка», высаживались струнники «Ленконцерта», Ленинградский концертный оркестр, солисты «Ленконцерта», Академический симфонический оркестр Московской филармонии, Большой хор Центрального телевидения и Всесоюзного радио, а также звезды, болиды и метеориты вокала.

И вся эта армия устремлялась в гостиничные этажи, спешно очищаемые от немузыкального элемента.

Первым, естественно, вылетал на улицу рядовой и бесправный инженерский состав. Затем — вы не поверите!— вылетали из номеров снабженцы, пробивняки, толкачи, могущие все, могущие достать очки для слепых сил природы, но не могущие ныне дожить своего срока в гостинице. И такая разворачивалась выселительная тотальность, что выселялись даже граждане из фруктовых республик, приехавшие сбыть груз плодов на горьковском рынке. Торговцы фруктами наглухо сидели в своих номерах, как камикадзе в дотах, но и их выцарапывали, выкуривали и низвергали в холл.

А в холле, вставая на цыпочки, уже пришпиливал вспомогательный музыкальный товарищ афишу к стене, и под знаком двух повернутых друг к другу виолончельных грифов—целующиеся кобры, и только!— был призыв пойти и сейчас же упиться полезным слушанием симфонического оркестра.

И, уже вовсе плево оглядывая всю эту бездомную инженерию — ведь это ж знамение, что даже директор отеля оказался тезкой Чайковского, Петром Ильичом, — манипулировали гостиничным фондом города Горького квартирьеры и квартирьерши музыкального пленума. И вот уже раздались в номерах звуки прочистки горл, камертонные «ля», и кларнет-а-пистон вывел руладку из сочинения «Юность КамАЗа». И лишь прошептавши на это:

— У! Аллегро модерасто! — ушли в непогоду представители всесоюзной технической мысли. Они шли, как какие-нибудь челкаши, поросшие трехдневной щетиной, секомые вьюгой, и в таких вот ненормальных условиях даже не винтиком, даже не частицей геологического, а уже астрономического процесса ощущал себя человек. А затем на мокрой скамье в безлюдной аллее техницист размышлял насчет дисбаланса в нашей культурной и экономической жизни. Бродя вокруг Нижегородского Кремля, вокруг Пороховых и Никольских башен, год постройки 1511-й, памятник старины, охраняется государством, размышлял бесприютный товарищ Морозов: я, Морозов — я чего памятник? Кем охраняюсь? Ну, у композиторов унисоны, речитатив, активная роль альтов в первой части Первой симфонии Шостаковича. А у меня перевозка первостепенных грузов! Обеспечение сырьем института!

— Ну, искусство мною любимо,— размышлял Елохов из системы «Госатома».— Я, может, впечатлителен крайне. Может, когда доходит до осенней темы во «Временах года» Чайковского, у меня прямо в зале возникает катар верхних дыхательных! Но тем не менее кто планирует в промышленных городах эти культурнические слеты и форумы? Что за непонимание и напасть? То тебе композиторы, то Неделя изобразительного искусства с расширенным заседанием секретариата Правления Союза художников РСФСР, то симпозиум заведующих отделами кадров... В таких условиях как жить производственнику? Как работать? Ну, я понимаю, композиторам надо встречаться. Намечать вехи, основные пути развития: то ли оратория должна возобладать над всем остальным, то ли кантата. Пусть встречаются композиторы, но зачем же такое ущемление в городах командированных транспортников, водников, заводчан? Теперь всюду строительство комплексов. Так, может быть, для лучшей реализации народнохозяйственных планов транспортниками, водниками, заводчанами где-нибудь в лесах, на природе, построить культурникам всесоюзный совещательный комплекс?

Но нету отзвука разумным словам. И все шире нацеленность слетов на промышленные областные центры. А производственники в этих условиях? Как-нибудь они перебьются. По общежитиям, жилтовариществам, жилсестричествам расселят их заводы. Хорошо также спать прямо на кульманах в конструкторских бюро и проектных организациях. Прикорнул, а потом, продравши глаза, встанешь на четвереньки, почертишь мал-мала под собой на собственной ватманской простыне — и спи себе снова под тяжкие госпитальные храпы на соседних чертежных столах...

Ну, уважаемый читатель, так куда ж все-таки нести мне этот фельетон — в отдел экономики или культуры? А?

г. Горький.

МИМОХОДОМ

Марионетка уверяла, что у неё в верхах — рука.

А продажные души опять подешевели!

В. Ломаный.

Благородные металлы редко употребляются для благородных дел.

Иные тянутся к солнцу лишь для того, чтобы получше рассмотреть пятна.

Данил Рудый.

Своего соседа любить труднее, чем всё человечество.

Из тех, кто остался самим собой, многие никем не стали.

Многословие — первый признак наступающей глухоты.

Иногда второй брак говорит только о том, что первый не был ошибкой

М. Генин.

— Все же нашел он к вам лазейку!..

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Справка

С-ко Аня посетила кабинет антирабических прививок по поводу укуса собакой в августе месяце, в настоящее время собака жива и здорова, школу посещать может».

Прислала А. Корденкова, г. Кривой Рог.

«К 8 Марта наши магазины смогут сделать своим женам и сестрам самый лучший подарок — цветы».

Газета «Знамя коммунизма», г. Ногинск.

«Продается коза с мужем. Цена по договоренности».

(Из объявления.)

Прислал Г. Жир, Некоузский район, Ярославской области.

«Читатели заинтересовались литературой по искусству и библиотекарем Молявкиной».

(Из выступления на совещании клубных и библиотечных работников).

Записала Л. Козлова, г. Кишинев.

«Заслушано объяснение Сивова Г. А., который полностью признал свою вину и просил простить его. Заданы вопросы: Почему пил на работе? Чувствовал себя плохо, хотел поправиться. С кем пил водку? Пил один. Пил из горлышка или из стакана? Пил из горлышка».

(Из протокола товарищеского суда).
Копию снял И. Щербаков, г. Могоча.

«До сих пор в каждой группе 2—3 коровы либо старые, либо с тремя сосками».

Газета «За коммунистический труд», г. Кимры.

«За время дежурства происшествий не было, за исключением небольших конфликтов, которые в нашем присутствии расходились по домам».

(Из журнала дежурств народной дружины).
Прислала Н. Васильева, Лужский район, Ленинградской области.

«Объявление.
Недорого продаю Саратовскую пятитонную гармонь».

Прислал В. Калистратов, г. Астрахань.

— Товарищ директор! В день вашего юбилея примите скромный подарок от сотрудников отдела кадров.

. . . .

Рисунок М. СКОБЕЛЕВА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«КОНЕЦ АГЕНТА № 0000»

Так назывался фельетон Е. Дубровина, опубликованный в 31-м номере «Крокодила» за 1974 год. В нем речь шла о низком качестве кирпича, выпускаемого Угольнинским кирпичным заводом в Приморском крае. Партийное бюро завода обсудило фельетон на расширенном заседании с привлечением начальников цехов, службы ОТК и главных специалистов. Факты признаны правильными. Секретарь парторганизации завода тов. В. Тонконог сообщил редакции, что на виновных в выпуске брака наложены партийные взыскания.

«ТРАНЗИТНАЯ МАНЬКА»

В фельетоне Э. Полянского под таким заголовком («Крокодил» № 22, 1974 год) сообщалось о новом методе производства мяса, изобретенном в отдельных неуспевающих хозяйствах Тарасовского района, Ростовской области. Когда руководителям таких хозяйств становится ясно, что выполнение плана по мясу им не светит, они закупают скот у колхозников и сдают его на мясокомбинат, вроде как бы вырастив его в общественном хозяйстве.

Заместитель председателя исполкома Ростовского областного Совета депутатов трудящихся тов. П. Корнеев сообщил редакции, что изложенные в фельетоне факты подтвердились. Облисполком обратил внимание председателей райисполкомов на серьезные нарушения при закупке скота, допускаемые отдельными специалистами и руководителями хозяйств.

Бюро Тарасовского райкома КПСС за ненужное «изобретательство» наложило на главного зоотехника колхоза «Ленинский путь» тов. А. Дудатьева и председателя колхоза тов. И. Фетисова партийные взыскания.

А КАК ВСЕ ЖЕ С СОЛЬЮ?

В «Крокодиле» (№ 21, 1974 год) была опубликована небольшая заметка о том, что Батайский хлебокомбинат по вине железнодорожников не получает пищевую соль. Заметка называлась «Несолоно хлебавши...».

Ясное дело, без соли хлеб не испечешь. Ясное дело, снабжать солью хлебокомбинат необходимо. Но вот какой ответ мы получили на наше выступление. Зам. начальника Северо-Кавказской железной дороги тов. Г. Дадочкин пишет, что, мол, на станции Батайск завоз и вывоз грузов клиентам осуществляются грузовиками Батайского автотранспортного предприятия, которое находится в ведении Министерства автомобильного транспорта РСФСР. А это самое предприятие не перевозит грузы, для которых требуется специальный транспорт. В том числе и пищевую соль. И этот продукт все время из договора перевозок вычеркивается.

Каемся, товарищи читатели: оказывается, не к одному Министерству путей сообщения должна была редакция предъявить претензию, а еще и к Министерству автомобильного транспорта РСФСР. Что мы и делаем.

КРИВАЯ, КОТОРАЯ НЕ ВЫВЕЗЕТ

В сфере черного юмора, столь излюбленного на Западе, между юмором висельным и юмором кладбищенским появилась новенькая рубрика — юмор кризисный. Например, гуляет по Штатам мрачная шуточка: «Какая разница между экономическим спадом и кризисом? Если без работы остался твой сосед — это спад, а если вышвырнули тебя — это кризис»...

Язвы капитализма, которые на время удавалось запудривать и замазывать жирными румянами, теперь уже не поддаются косметическому камуфляжу. Графическая кривая западной экономики загибается вниз. Такая кривая вряд ли вывезет...

Т. ВЛАДИМИРОВА

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Билл Сэмпсон зябко влачил по мглистой улочке свое жалкое существо. Как бывает, чешется ладонь — примета получать деньги, так у Билла чесалась шея — зловещее напоминание о том, что самое время обмотать ее веревкой и разом покончить счеты с квартирной хозяйкой, с мясником, с булочником, с докторами, из которых один вместе с зубом вырвал у него последние остатки сбережений.

Тридцать девять недель, на протяжении которых Билл по закону получал пособие для безработных, истекали, а места механика, коим он являлся, или клерка, или носильщика, судомойки или заведующего мусоропроводом не предвиделось. Поэтому веревка представлялась Биллу единственным способом завязать мытарства в единый, окончательный и бесповоротный узел.

— Привет! — грянуло у него над ухом, и кто-то жидкий и худенький повис у него на шее.

— А-а, это ты, Сэмюэл? — вяло осведомился Билл, стряхивая с себя знакомца.— С чего это ты развеселился?

— Нашел штучку, которая принесет мне и вообще всем нам полное благополучие! Твое счастье, что ты меня встретил!

— Благополучие?.. Да говори же скорей! — заволновался Билл, только что думавший о веревке.

— Я ударился в социологию! — торжественно произнес Сэм.— Слушаю лекции «О любви и дружбе»!

— Ты... это... оставь шуточки! — прохрипел Билл, от волнения теряя голос.

— В инфляции наше спасение, дружище! В ин-фля-ци-и!

При слове «инфляция» Билл вновь ощутил веревку на своей шее.

Сэм вытащил из кармана журнал «Тайм» и воодушевился.

— На́ вот, почитай, что пишут ученые люди! Инфляция—это очень даже хорошо! Мы должны быть ей благодарны!

— «Инфляция имеет свои хорошие стороны,— не веря глазам, читал Билл.— Она способствует разрядке психической напряженности у человека. К такому утешительному выводу пришли некоторые американские социологи... Известный социолог А. Этциони считает, что одной из реакций на инфляцию будет возвращение к «нематериалистическим старым американским ценностям».

— Это как же понимать? — медленно проговорил Билл, опуская журнал.— Значит, вместо материалистической бараньей котлеты моя жена подаст мне на стол «нематериалистические американские ценности»? Старые? В собственном соку? Вкусно и питательно!

— Успокойся, старик, не суетись! — урезонивал Сэм.— Читай дальше!

— «Любопытные результаты анкет получил Центр исследования общественного мнения в Чикаго. Все меньше людей обращаются к психотерапевтам, что они, впрочем, объясняют не столько улучшением состояния психического здоровья жителей США, сколько нехваткой денег на уплату врачу за визит».

— Это точно,— вздохнул Билл.— С ума можно сойти, сколько эта медицина дерет!

Но Сэм не поддержал прений. Он нетерпеливо ерзал пальцем по странице.

— Читай вот тут. «Благодаря инфляции»! Видишь? «Благодаря...»

— «Благодаря инфляции почти целиком исчезают мотивы соперничества и накапливания материальных благ,— читал Билл.— Их заменяют тенденции в сторону всеобщей дружбы. Такой тезис выдвинул социолог Дэвид Капиовиц, профессор Нью-йоркского университета».

По зарослям Билловых щек светлым ручейком пробежала улыбка. Ему вдруг стало легко дышать. Хотелось верить профессору университета и его тезису. Просветленный, Билл побежал домой.

По дороге ему встретилась миссис Прайс, его квартирная хозяйка.

— Вы задолжали мне за три месяца! — процедила она, сверля Билла взглядом и становясь красней своей шляпы.

— Я бы хотел... то есть мне бы хотелось...— бормотал Билл, тоже краснея.— Могу я предложить вам свою дружбу?

Миссис Прайс оторопела.

— Да, да,— поспешил пояснить Билл,— дружбу и любовь, эти старые, добрые американские ценности...

— Мне нужны деньги! — вскричала миссис Прайс,— у меня не богадельня! Даю вам сроку три дня!

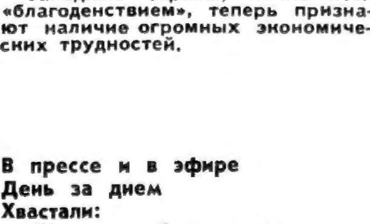
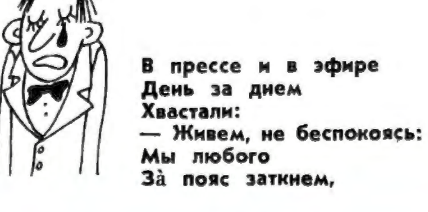
«Ну, что ж,— с досадой думал Билл, поспешно ретируясь с поля брани,— не всякий еще созрел для тезиса профессора Нью-йоркского университета. Чего можно ждать от этой стяжательницы, от этой примитивной курицы Прайс, кроме истошного кудахтанья?»

И Билл направился к мясному магазину. Он решил не откладывать «разрядку психической напряженности», вызванную его задолженностью. Здесь его поймут. В этом старом, захудалом доме, чьи стены еще хранят дедовский дух, не отнесутся равнодушно к добрым, нематериалистическим американским ценностям, так незаслуженно забытым в наш суетный век. Решительно войдя в магазин и вдохнув полной грудью упоительный запах сарделек, Билл круто забежал за прилавок, дружески обнял и крепко поцеловал мясника.

Очнулся Билл в полицейском участке. Глаз заплыл. В одном ухе звенело. Другое не работало совсем. Свидетели подтверждали, что нападал Билл, а мясник действовал в пределах необходимой обороны.

Билл Сэмпсон находится в тюрьме и в бодром расположении духа. Он без устали хвалит инфляцию. Он поражает видевших его социологов своим оптимистическим настроем. С поразительным упорством он цитирует наизусть кусочек статьи из журнала «Тайм»:

— «В области исследования влияния инфляции на психику американцев у социологов будет еще достаточное поле для работы. Особенно если экономическое положение не изменится».

Западные страны, кичившиеся «благоденствием», теперь признают наличие огромных экономических трудностей.

Николай ЭНТЕЛИС

ДРУГИЕ ПОЯСА—ДРУГИЕ ПЕСНИ

В прессе и в эфире
День за днем
Хвастали:
— Живем, не беспокоясь:
Мы любого
За̀ пояс заткнем,

И любой
Нам кланяется в пояс!

Ныне хнычут
Те же голоса

(Тон речей —
Мучительно-страдательный):
— Посильней
Затянем пояса!
Где бы пояс раздобыть
Спасательный!!

Ю. КУЗНЕЦОВ

ПОТЯНИТЕ ЗА МОЧКУ

Недавно я познакомился в Стокгольме с очень симпатичным человеком. Вы его, впрочем, тоже, вероятно, знаете: добродушный мужчина в расцвете сил и лет, по имени Карлсон. Да, тот самый, который живет на крыше и у которого на спине пропеллер. В гостях у него я, правда, не бывал. Но он ко мне залетывает. И рассказывает, где был, что видел.

— Новый год только начался,— спросил я его недавно,— интересно, что же он принес? Ты же, поди, всю Европу до Атлантики облетел?

— Я в мировом масштабе летаю,— обиделся было Карлсон.— Что, спрашиваешь, новый год принес? Много нового. Цены — сплошь новые, чуть не каждую неделю новые. Новые налоги. Новая квартплата. Все выше и выше. Что еще? Новые заботы у многих: у одного семейный бюджет уполовинился: ввели сокращенную неделю. А сосед этого человека вообще начал жить по-новому: не на зарплату, а на пособие по безработице.

— Но ведь правительства западных стран продолжают говорить про высокий жизненный уровень?

— Это точно. Уровень действительно высокий. Такой высокий, что многим он просто не по карману.

— А демократия?

— Процветает,— вздохнул Карлсон.— Ведь демократия — это когда говоришь, что хочешь, и делаешь то, что тебе говорят.

— Печальные вещи ты рассказываешь.

— Могу и веселые. Знаешь, недавно летал я за океан. Так вот там, под Нью-Йорком, в Брунсвикской клинике, только что совершили потрясающее открытие! Об этом даже у нас в Швеции писали в газете «Афтонбладет». Вот, смотри: «Найден способ полностью снимать чувство голода». Оказывается, стоит ввести кому-нибудь в ухо специальную защепку из нержавеющей стали — полсантиметра размером — и нажать на нее определенным образом, как этому человеку тотчас расхочется есть. Она, оказывается, нажимает на точку, где оканчивается соответствующий нерв. Вообще-то там искали способ для похудения. А теперь смекнули — это же целое открытие!

Вот тут есть интервью с врачами: «Когда почувствуете голод, слегка потяните за правую мочку, вот и все».

— Послушай, Карлсон, да ведь это же гениально! Это же разом решает всю проблему голода на земном шаре!

— Запросто. Пускай только все недоедающие дергают себя за мочку и — порядок. Сразу у них появляется чувство комфорта и довольства жизнью, а может быть, и правительством.

— А как ты думаешь, Карлсон, может, это средство действует не только против голода? Может, и от других эмоций и несчастий помогает?

— Очень может быть. В Нью-Йорке над этим наверняка уже работают. Представляешь — человек недоволен, что не может найти работу. А ему подсказывают — да брось ты негодовать, дерни себя за что-нибудь и — баста.

— А расовая дискриминация, преступность, чудовищный рост цен?

— Ну и что? На каждое огорчение — своя защепка.

— А как ты думаешь, Карлсон, не запутаются люди когда за что дергать? Входит, допустим, человек в магазин. Глядит на полки, а цены опять подскочили. Человек расстегивает пальто и дергает себя за защепку, висящую, скажем, под мышкой. А она, оказывается, не против инфляции, а против безработицы. Народ смотрит с состраданием. «Что это,— говорят,— бедняга мечется? Пальто скинул, под мышками скребется... Может, антиинфляционную защепку ищет? Эй, братец, ты что, забыл, где она? Она же под коленом вшита...»

— Ты все усложняешь,— пожал плечами Карлсон.— Просто люди рассеянные будут носить с собой печатные инструкции, когда за что и по какому поводу дергать.

— Инструкции? А если и они подорожают?

— Да ну тебя,— пожал плечами Карлсон, взревел пропеллером и вылетел в окно...

Английские домовладельцы систематически взвинчивают квартплату.

— Кошелек или жизнь... в моей меблированной квартире?!

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

БОНН. Количество безработных в ФРГ давно уже перевалило за полмиллиона, и шансы найти работу становятся все призрачнее. Тем более что фирмы ввели в последнее время специальные анкеты для поступающих на работу:

«1. От чего умерла или чем болеет ваша супруга?

2. Не болеют ли ваши ближайшие родственники алкоголизмом, аллергией, лихорадкой?

3. Не мучают ли вас самих по ночам кошмары, припадки эпилепсии?

4. Не мочитесь ли вы в постель? Боитесь ли вы высоты? Людей?

5. Нет ли у вас провалов памяти, умопомрачений, частого потовыделения, запоров, венерических болезней?

6. Не потеряли ли вы руку, ногу, палец и т. д.?

7. Не предпринимали ли попыток к самоубийству?»

Такая беспардонность шокировала даже самых невозмутимых. Депутат бундестага Фриц Цебиш охарактеризовал анкету как «вопиющее нарушение нравственности».

ВАШИНГТОН. Люди, которым в Соединенных Штатах работодатели сообщали о том, что они уволены, часто, по свидетельству американских медиков, становились жертвами инфаркта. Число жертв возрастало, и в дело решили вмешаться власти. Известного в США психолога доктора Герберта Нельсона уполномочили провести широкое расследование этого феномена. В результате он пришел к оригинальному выводу: людей, которых намечено уволить, нужно как следует подготовить к этому факту. А то их убивает внезапность.

Но теперь, когда число безработных перевалило за шесть миллионов, количество инфарктов, если следовать логике Нельсона, должно уменьшиться — ведь каждый рабочий опасается увольнения. Какая уж там внезапность!

ЛОНДОН. Недавно фирма электронных приборов поместила объявление: «Требуется мальчик-курьер». Примчалось шестьдесят человек, среди которых десять биржевых маклеров и несколько банкиров. Один из банкиров оказался выпускником аристократической школы в Итоне и бывшим участником Олимпийских игр.

— Вы выглядите слишком величественно для такой работы,— сказал ему директор фирмы.

— Это неважно,— ответил седовласый кандидат в мальчики на побегушках.— Я должен кормить жену и двоих детей.

— Запомнили маршрут? Комбайн, поворот к сенокосилке, финиш у сеялки!..

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

На брудершафт со свиньей

Хорошо, если человек непьющий да нервы у него крепкие. Хорошо, когда жена у него не шофером работает и когда свиньи ему до лампочки. Вот тогда жизненная линия идет прямо, спокойно и без всяких отклонений.

А вот у моториста Николая Кирова все было не так. Пил он давно и часто. Нервы у него, запомним это, никудышные.

А тут еще и жена шофером работает. На автомашине. Грузовой. И, что совсем не последнее, свиней моторист не то чтобы любил, но признавал, как таковых. Может быть, потому, что слишком часто слышал от жены: «Опять ты, Никола, как свинья, напился».

Факт остается фактом, что все: и жена-шофер, и свиньи, и нервы,— все это включилось в дело, и события стали разворачиваться прямо-таки с фатальной неизбежностью. Но об этом позже. Пока же скажем о том, что все началось, как это и бывает, с бутылки.

Пьет Никола день, пьет другой. Пьет на брудершафт. На чужие деньги и на свои любезные. А потом все как отрезало. Пошел десятый день после получки, а у него и его друзей-приятелей в карманах хоть шаром катай.

Хочешь не хочешь, стал он трезво события оценивать, перспективы рассматривать и выход из положения искать. И перво-наперво заметил он свою жену. Подругу жизни. Конечно, он ее и раньше-то никогда из виду не терял. Но в этот раз как-то бросилось ему в глаза, что жена у него шофер и у нее есть автомашина да еще с приличной грузоподъемностью.

Дело, решил, Никола, теперь, стало быть, за грузом. Груз — это те же деньги, а деньги — это и есть выпивка.

И стал он прикидывать да присматривать, что бы могло стать грузом. И тогда заметил он рядом свиносовхоз, а в нем свинок разного калибра. Раньше Никола смотрел на свиней как на возможную закуску. Эскалоп, скажем, грудинка и тому подобное. Теперь же стал смотреть иначе. Свинки — это та же выпивка, если, конечно, предварительно превратить их в деньги.

Так что выход, где взять груз, он, можно сказать, нашел. Но для начала стал искать вход. В свинарник. Потому что обыкновенные двери для этого не годились. Войти в них он один, конечно, сможет, но выходить-то надо будет сам-друг — со свиньей. Двери, стало быть, отпадают. Двери не для него, а тем более не для свиней. Остается окно. Высоконько оно. Но забраться можно, поскольку есть автомашина, и в ней за рулем жена — подруга жизни.

Дальше события прямо-таки завертелись, как колесо автомашины, которую жена Николы подогнала темной ночью к окну свинарника. Хотел он для храбрости выпить из предварительно припасенной для этого случая поллитровки, но потом передумал и решил обмыть операцию после ее полного завершения. Сунул бутылку в карман, встал на плечи собственной супруги, пролез в окошко и бултых вниз. Да, видать, неудачно приземлился. Прямо верхом на хавронью, которая с перепугу взяла самое верхнее «фа» громкостью децибел этак на двадцать. Но надо отдать должное незадачливому кавалеристу: хоть и оглушенный визгом, он не растерялся. Откупорил бутылку и сунул в пасть хавронье.

— Ну и свинья же ты! — только и сказал он, обнаружив, что собутыльница хотя и замолчала, но зато выкушала почти все.

— Ну, дай бог не последнюю,— оглядывая стоящих рядом хрюшек, многозначительно сказал Никола и допил остальное.

Непривычная к спиртному хавронья через несколько минут лежала мертвецки пьяной. Привычный к спиртному, наш герой взял ее в охапку и, выжимая с трудом, как штангу, подал в окно жене. Набросив на хавронью пальто и прикрыв морду шапкой, супруги водрузили подгулявшую хрюшку между собой в кабину.

Автомашина с совершенно трезвым водителем и совершенно пьяной свиньей, а также с подвыпившим пассажиром поехала в город Кинешму и остановилась около дома гражданки Соловьевой, которую соседки звали попросту теткой Анной.

— Принимай гостей, хозяйка! — крикнул Никола.— Ты просила поросенка достать, вот он. Да ты не пугайся, завтра дашь ему опохмелиться — и баста. Свинья свиньей будет. А вот мне поднеси сейчас же. За вредность. Все-таки со свиньей на брудершафт пил. Да гонорар за нее гони — 85 «рэ».

«Гонорар» разошелся быстрее, чем улетучились воспоминания об удачно проведенной операции. Поэтому супруги решили ее повторить. Тем более что накладные расходы не превышали 3 р. 62 копеек, бензин был казенный, а время ночное, то есть сугубо личное. Повторили. В этот раз глава семьи свалился из окна на хряка Ваську. С ним на пару и распили бутылку водки. А потом тем же манером хряк Васька был отвезен все к той же тетке Анне.

Но наконец в дело вступила и никудышная нервная система нашего героя. Как вспомнит он, что продал своих собутыльников, так места себе не находит. И угнетаемый своей нервной системой, муж заявил подруге жизни, что пора идти в милицию самим. Сознаться.

— Сама меня и отвезешь.

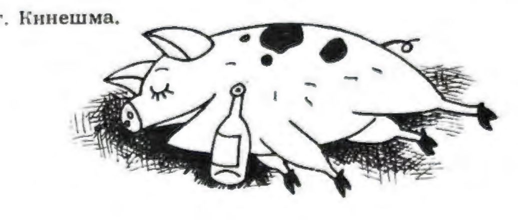
Сказано — сделано. Оделся он во все будничное, попроще. Завела супруга свой автомобиль и повезла Николу в милицию. Сдаваться.

И теперь доподлинно известно, что нервы у него окрепли. И жена больше шофером не работает (ей условное наказание дали). К свиньям у моториста появилось вполне понятное отвращение. А главное, пить бросил.

Так что жизненная линия и у него стала выпрямляться. А вот какой она окончательно будет, об этом мы узнаем через три года. Когда свинокрад свой срок отбудет.

А. ПАВЛОВА

г. Кинешма.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Один молодой человек обратился к компьютеру с просьбой подобрать ему невесту, которая любит плавать, общительна, предпочитает скромно одеваться и к тому же маленького роста. Компьютер выдал рекомендацию: «Вам подходит пингвин».

●

Молодожен обращается к жене:

— Знаешь, дорогая, я сейчас подсчитал все мои расходы на свадьбу и стоимость подарков. Оказывается, я женился на тебе только по любви.

●

— Я слышал, что ты сделал предложение девушке, которую встретил на танцах прошлым вечером.

— Это правда...

— И ты никогда не встречал ее раньше!

— Никогда не встречал, но, понимаешь, я танцевал с ней шесть раз подряд, и я просто не мог придумать, что еще сказать.

●

Дама спросила у джентльмена:

— Вы помните меня! Несколько лет тому назад вы просили меня выйти за вас замуж...

— И вы вышли! — рассеянно спросил тот.

●

— Фотограф! Я хочу сфотографироваться на фоне этих колонн, но сделайте так, чтобы мой автомобиль не попал в кадр.

— А почему, мадам!

— Вы не знаете моего мужа — он обязательно решит, что это я разрушила весь Колизей!

●

— Марианна никогда ни о ком не говорит плохо.

— Это вполне понятно, потому что она всегда говорит только о себе.

Двое мужчин шли по улице. Вдруг один схватил другого за руку:

— Быстро отсюда!

Они вбежали в подъезд.

— Что случилось!

— На другой стороне улицы стоит моя жена и разговаривает с моей любовницей.

Второй посмотрел и сказал:

— Наоборот, это моя жена разговаривает с моей любовницей.

— А чей это длинный волос я нашел на твоем платье?

«Дейли миррор», Англия.

— Знаете ли, он так близорук! Очевидно, он думает, что это я...

«Эпоха», Италия.

— О боже! И почему у меня не хватило ума выйти замуж за художника!

«Биллед-бладет», Дания.

Дж. ТЭРБЕР (США)

Тигрица и ее супруг

Не прошло и нескольких недель с начала их семейной жизни, как тигр Гордолап заскучал. Он стал тяготиться своей супругой Соброй и вскоре повадился исчезать по утрам все раньше и раньше, а возвращаться домой все позже и позже. И свою тигрицу он уже не называл, как прежде, «моя лапочка» или другими ласковыми именами, когда ему требовалось что-либо, а просто хлопал лапами или же издавал короткий свист, если она находилась в отдалении.

Последняя тирада, с которой Гордолап обратился к ней как-то утром, звучала так:

— Черт подери, что у нас творится?! Я ведь приношу домой рис, горох, кокосовое масло... Ну, а любовь и прочую дребедень выбрось на чердак вместе с подвенечным платьем. И забудь о них.

Допив свой кофе, он швырнул на стол «Джунгли мейл» и направился к двери.

— Ты куда? — воскликнула Собра.

— Пройдусь! — ответил Гордолап.

А потом всякий раз, когда она спрашивала, куда он направляется, он просто бурчал что-то нечленораздельное.

И вот наступил срок: Собра почувствовала приближение деликатно-торжественного момента и смущенно и радостно сообщила об этом своему супругу. Тот лишь коротко рыкнул в ответ «гр-р!» (он теперь изъяснялся с ней таким лаконическим способом). На этот раз его рык означал: «Надеюсь, ребята вырастут и станут хорошими музыкантами или генералами». А затем надолго удалился, как обычно поступают представители сильного пола в такой период. Ибо он не желал, чтобы малыши беспокоили его, пока не подрастут достаточно, когда можно будет их ругать и колотить. В ожидании этого он весело проводил время в джунглях, охотясь на буйволов или развлекаясь иным образом на мужской манер.

Воротившись, наконец, домой, он рыкнул своей супруге «япс!», что означало: «Я намереваюсь поспать, и если сорванцы будут шуметь и разбудят меня, я их утоплю, как котят!» Собра на этот раз молча подошла к входной двери, распахнула ее и презрительно крикнула:

— Пшел вон!

Последовавшее сражение было ужасно, но быстротечно. Гордолап сделал выпад, но не той лапой и промахнулся. В ответ он молниеносно получил такой страшный контрудар, что рухнул наземь, не успев даже понять, что произошло.

На следующее утро, когда тигрята проснулись и спросили свою маму, чем им заняться до завтрака, она ответила:

— Идите в гостиную и поиграйте с папой. Он лежит возле камина. Я сделала из него коврик. Надеюсь, он вам понравится.

Он действительно понравился им.

Мораль: никогда не оскорбляйте жену-тигрицу, даже если вы сами тигр.

Перевел **Б. ШУВАЛОВ.**

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Жена — мужу:

— Я хочу с тобой серьезно поговорить...

— Ты начинай, а я сейчас вернусь!

●

— Простите, у нас кончилась бумага.

«Дикобраз», Чехословакия.

— И ради этого ты вернулся на Итаку, Одиссей?

«Трибуна люду», Польша.

«Остен», Югославия.

— Хоть на полчаса почувствую себя как дома!

«Иси Пари», Франция.

●

— Здравствуй, Джеймс! Что случилось с твоим дядей!

— Он сломал себе руку.

— Как это произошло!

— Когда он сидел за столом, к нему незаметно подошла жена и шутя укусила его за ухо. Дядя от неожиданности потерял сознание.

— Это все!

— Нет. Жена испугалась и вызвала «Скорую помощь». Когда санитары несли дядю к машине, он пришел в себя. Санитары спросили, в чем дело. Тот рассказал. Они рассмеялись, уронили носилки, и дядя сломал себе руку.

КРОКОДИЛ

№ 6 (2124)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: В. Жаринов, В. Сафонов, С. Спасский, Ю. Степанов, И. Сычев, Е. Шабельник, И. Шиков.

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
М. Г. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Технический редактор
Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 7/II 1975 г. А 00779. Подписано к печати 19/II 1975 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 800 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 498 440. Изд. № 510. Заказ № 243.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Обработал ЛЕБЕДЕВ А.В.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

— К кому бы присосаться?

Рисунок Бор. **ЕФИМОВА**